

Конец зимы, внутренние покои.

Над высокими воротами, обитыми лакированным деревом, красовалась вывеска. Резиденцию Янь-вана называли не дворцом, а просто Цзиньчжаоцзуй — так было начертано тремя размашистыми иероглифами.

Шэнь Цюэ прошел через длинную крытую галерею, пересек сад Зеленой сливы, пропитавшись ароматом цветов, и наконец свернул вглубь двора. Здесь, под полом, были проложены трубы с подогревом, поэтому снега не было видно: талая вода стекала по желобам в небольшой пруд. В пруду плавали несколько золотых карпов. Видимо, от холода рыбы стали вялыми и лишь лениво поводили прозрачными плавниками.

Время еще позволяло, и Шэнь Цюэ присел на корточки у края пруда. Он опустил палец в воду, пуская рябь, и какое-то время безучастно наблюдал за рыбами, после чего направился в боковую залу.

Под навесом стояли две служанки-силласцы, прекрасные, как свежавыпавший снег. Увидев его, они слегка поклонились:

— Господин Шэнь.

Шэнь Цюэ хотел было войти внутрь, но одна из служанок преградила ему путь:

— Просим господина подождать здесь. Ванье сейчас принимает гостя.

Шэнь Цюэ замер, остановившись на полушаге. Се Шигуань, жалея его после тяжелой болезни, не взял его с собой на утренний доклад, а потом оставил во дворце на обед, так что вернулись они в резиденцию только к закату. Сейчас было явно неподходящее время для визитов: гость, скорее всего, останется на ужин. Подумав об этом, он спросил служанку жестами:

— Кухне дали распоряжение насчет ужина?

Она покачала головой:

— Ваше Высочество сегодня не будет ужинать дома, а для этого гостя, как для званого, кухня уже все приготовила.

Шэнь Цюэ кивнул, но слова служанок запали ему в душу. Лин-эр... Лин-эр тоже хвалила его глаза. Хотя он не питал к ней романтических чувств, эта похвала заставила его сердце радостно биться еще долгое время.

Три года назад, осенью.

Се Шигуань продержал его в прихожей несколько часов, а потом вдруг вспомнил, что пригласил человека, не спеша вышел к нему и прямо предложил стать его постельным спутником.

Он был таким обычным, таким бестолковым. Юаньхуа, слегка повернув голову, начала подтрунивать над подругой:

— А ты в прошлый раз говорила, вот бы господин Шэнь не был немым...

Но та служанка, что только что разговаривала с ним, вдруг обернулась и прошептала:

— Господин Шэнь, Юаньхуа только что сказала, что у вас очень красивые глаза.

Он всегда считал себя никчемным и незаметным, словно придорожный камень или песчинка на берегу, но оказалось, что кто-то все же разглядел в нем нечто особенное.

Шэнь Цюэ стоял под навесом и ждал. День выдался на редкость ясным, в небе плыли облака, пронизанные закатным светом. Он не ожидал, что служанки заговорят с ним, и сначала испугался, а потом растерялся, не зная, куда деть руки.

В этот момент дверь залы тихо приоткрылась, и оттуда вышел молодой человек в алом халате. Яркий цвет ткани лишь подчеркивал его болезненную бледность.

Другая служанка покраснела, толкнула подругу в плечо и застенчиво проворчала:

— Я такого не говорила! Это ты выдумала, если будешь так себя вести... я с тобой больше не разговариваю!

У Шэнь Цюэ были с этим человеком счеты. Точнее, это человек затаил на него одностороннюю обиду.

Служанки продолжали перешептываться, изредка тихо посмеиваясь. В глазах Шэнь Цюэ промелькнула зависть: будь здесь Шэнь Ло, он бы мигом нашел с ними общий язык, но сам Шэнь Цюэ так не умел.

Одна из служанок, постарше и поумнее, за годы службы при Ванъе без всякого учителя освоила большую часть языка жестов. Другая тут же прикрыла ей рот рукой:

— Господин Шэнь, не сердитесь, мы болтаем всякую ерунду, не берите в голову.

Этот молодой человек, занявший третье место на экзаменах, был хорош собой и к тому же являлся бывшим учеником Тай-фу Маня. Се Шигуань случайно увидел его на банкете в Абрикосовом саду и пригласил в резиденцию якобы для бесед о стихах и чае. Хотя это назвали приглашением, на деле его почти насильно притащили в дом.

Шэнь Цюэ поспешно поднял голову, и на его бледных щеках проступил румянец. Он торопливо жестикулировал:

— Прошу прощения...

Молодой человек вышел, поправляя сбившийся пояс, и, не глядя под ноги, врезался в Шэнь Цюэ. Но, узнав его, тут же помрачнел. Окинув его презрительным взглядом, он усмехнулся:

— Опять ты?

В тот день у Ванье был выходной. Шэнь Цюэ с самого утра был при нем, и уже под вечер Се Шигуань отправил его встретить таньхуа-лана Юй Кунцина, временно жившего на постоялом дворе.

Но молодой и горячий выпускник, услышав приказ, смачно плюнул на пол и, тыча пальцем в лицо Ванье, принялся ругаться. Се Шигуань, сидя во главе стола и подперев щеку рукой, выслушал его, но вместо гнева лишь рассмеялся:

— Красноречие у тебя неплохое, а вот сочинения пишешь отвратительные. Если бы не уважение к твоему учителю Тай-фу Маню, из-за которого я не хочу позорить Святейшего, то с такими познаниями в науках и политике ты бы и к восьмидесяти годам не сдал экзамен.

Таньхуа-лан побледнел от ярости, но прежде чем он успел что-то ответить, Шэнь Ло, стоявший за его спиной, ударил его под колено. Тот потерял равновесие и тяжело рухнул на пол.

— Шэнь Цюэ, у тебя самая твердая рука, — небрежно бросил Ванье. — Зашей-ка таньхуа-лану рот.

Шэнь Цюэ кивнул. Стражники по обе стороны тут же схватили гостя за плечи. Шэнь Цюэ наклонился и под неистовые крики изумленного таньхуа-лана начал продевать нитку в иглу.

— Как ты смеешь?! — вопил тот. — Я — лучший выпускник, лично назначенный Его Величеством... А-а-а!

Шэнь Цюэ оставался бесстрастен; вид чужих страданий не заставил его дрогнуть. Он делал это не впервые. Раньше он боялся, видел кошмары, но теперь привык. Он догадывался: небо знало о его грехах в прошлой жизни, поэтому лишило его дара речи и обрекло на увечное, грязное существование.

— Некрасиво, — поморщился Се Шигуань, вставая и проходя мимо. Его взгляд задержался на Шэнь Цюэ. — Убери все начисто и возвращайся.

Шэнь Цюэ снова кивнул.

Теперь таньхуа-лан, одетый в парчу и украшенный нефритом, выглядел иначе: юношеская горячность сменилась затаенной злобой, а шрамы на губах давно зажили — с расстояния, на котором стоял Шэнь Цюэ, их почти не было видно. Он стал еще более загадочным, чем три года назад.

Юй Кунцин оглядел его с ног до головы, многозначительно усмехнулся и, наклонившись к самому уху, прошипел:

— Сколько бы ты ни прислуживал Янь-вану, ты остаешься лишь рабом. Если кто-то забьет тебя до смерти, за тебя выплатят сотню монет — и это будет для тебя великой милостью.

Шэнь Цюэ даже не посмотрел на него. Он прошел мимо, направляясь напрямик в залу. Он не удостоил его ни единым взглядом, и Юй Кунцин, глядя ему в спину, скрежетал зубами от ненависти, словно мечтал разорвать его на части.

Жаль, что Шэнь Цюэ даже не оглянулся.

В боковой зале курился сандал, у окон стояли горшки с цветущей восковницей. В воздухе, пропитанном древесным ароматом, чувствовалось спокойствие буддийского храма. Се Шигуань полулежал на кушетке у окна. Увидев его, он лениво спросил:

— Столкнулись?

Шэнь Цюэ кивнул.

— Все-таки ученик Тай-фу Маня. Пусть его познания и суждения не блещут, но есть в нем нечто особенное. Только вот характер... — он помолчал и холодно добавил: — Слишком мелочен.

Шэнь Цюэ мало знал об этом человеке. По идее, Юй Кунцин, будучи учеником наставника императора Мань Чаншаня и любимцем Его Величества, должен был иметь блестящее будущее. Почему же он теперь прозябает в резиденции в качестве гостя?

Се Шигуань не придавал значения своим постельным спутникам — состоявшимся или нет. Пока у человека было приятное лицо, он не собирался придирааться. К тому же Се Шигуань был старым другом Мань Чаншаня, и раз уж наказание было исполнено, он не видел смысла лишний раз притеснять Юй Кунцина.

Се Шигуань, словно угадав его недоумение, пребывал в хорошем настроении и с терпением пояснил:

— Он прогневал императора. Теперь, кроме как под моим покровительством, никто не осмелится его принять.

Ванье был добр, раз решил поделиться этим. Шэнь Цюэ слушал, склонив голову, и кивнул в знак понимания. А что именно тот сделал, чтобы разгневать государя — если Се Шигуань не говорил сам, Шэнь Цюэ никогда не стал бы расспрашивать.

— Время позднее, — вдруг произнес Се Шигуань. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком.

Спустя полчаса они верхом остановились у частного дома в районе Наньцуй, что в Пинканли. В отличие от других увеселительных заведений города, этот дом с золочеными воротами напоминал жилище ученого мужа. Внутри было тихо и просторно, а сад с искусственными горами и редкими растениями отличался изысканностью.

Шэнь Цюэ был знаком с этим местом. Здесь жили не ученые, а одна из знаменитых куртизанок. Се Шигуань не был охот до женщин, но для приема важных гостей часто выбирал именно такие места. Эта госпожа была горда и своенравна, и пригласить ее было непросто, но если удавалось договориться о встрече здесь, дела обычно шли гладко. Однако прежде Шэнь Цюэ всегда оставался за порогом.

Заметив, что он замялся перед входом, Се Шигуань слегка постучал его по спине концом сложенного стека:

— Чего стоишь? Входи.

— Подчиненному идти впереди Вашего Высочества, — Шэнь Цюэ заволновался и начал быстро жестикулировать, — совершенно не по правилам.

Се Шигуань слегка улыбнулся, шагнул вперед и, приподняв полы халата, вошел в дом. Шэнь Цюэ осмелился последовать за ним, стараясь держаться на полшага позади.

Двое гостей уже ждали их. Увидев Се Шигуаня, они поспешно поднялись навстречу.

— Не нужно церемоний, — Се Шигуань отодвинул хрустальную занавесь, слегка обернулся и улыбнулся им: — Садитесь.

Но даже после этих слов никто из присутствующих не решился сесть. Они продолжали стоять, и лишь когда Се Шигуань занял свое место, они осмелились присесть.

Рядом с Се Шигуанем осталось свободное место — очевидно, его берегли для хозяйки дома. Но Се Шигуань вдруг обернулся и спросил своего немого стража:

— Почему не садишься?

Шэнь Цюэ опустил голову:

— Подчиненный не смеет.

— Здесь все свои, — сказал Се Шигуань. — Никто не станет придирается к таким формальностям.

Закончив, он снова повернулся к гостям и с улыбкой спросил:

— Скажите, господа, разве я не прав?

<http://bllate.org/book/19999/1972164>